

Время и забвение. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Время и забвение. Владимир Владимирович Набоков

1

В первые разноцветные деньки выздоровления после тяжелой болезни, когда никто (и менее всех сам больной) не ждал от девяностолетнего организма поправки, мои милые друзья Норман и Нора Стоун убедили меня продлить перерыв в научной работе и отдохнуть, предавшись таким невинным занятиям, как брэсл или пасьянс.

Первый категорически исключался, ибо найти название азиатского города или испанского романа в лабиринте перемешанных слогов на последней странице вечернего перечня новостей (подвиг, который моя младшая правнучка совершает с крайней лихостью) представляется мне куда более энергоемким, чем возня с животными тканями. Возможность пасьянса следует обдумать, особенно если вы готовы терпеливо переносить собственное общество; и разве сочинение воспоминаний не игра того же порядка, когда события и эмоции сдаете сам себе в праздной ретроспективе.

Артур Фриман будто бы сказал о мемуаристах, что это люди, у которых не хватает воображения, чтобы писать прозу, и слишком скверная память, чтобы писать правду. В этих сумерках самовыражения придется плавать и мне. Подобно другим старикам, жившим до меня, я обнаружил, что близкое по времени раздражающе перепутано, тогда как в начале тоннеля есть и свет и цвет. Могу разглядеть подробности каждого месяца в 1944-м или 45-м, но времена года безнадежно размыты, когда я останавливаюсь на 1997-м или 2012-м. Не в силах припомнить имя известного ученого, нападавшего на мою последнюю работу, так же как забыл те эпитеты, которыми мои столь же знаменитые сторонники язвили его. Не могу сказать сразу, в каком году эмбриологическое отделение ассоциации естествоиспытателей в Рейкьявике избрало меня членом-корреспондентом или в какой момент Американская Академия наук наградила меня своей самой престижной премией (хотя помню острое удовольствие, полученное мной при этом). Так человек, смотрящий в громадный телескоп, не видит осенних перистых облаков над своим очарованным садом, но видит, как это дважды случилось с незабвенным моим коллегой, покойным проф. Александром Иванченко, копошение hesperozoa во влажной долине на Венере.

Несомненно, что несметные «туманные картинки», завещанные нам унылой, плоской, до странности меланхоличной фотографией прошлого века, преувеличивают ощущение нереальности, производимое этим столетием на тех, кто не помнит его; но остается фактом то, что люди, населявшие мир в дни моего детства, кажутся нынешнему поколению более удаленными, чем девятнадцатый век казался жившим в двадцатом. Они еще тонули в ханжестве и предрассудках. Цеплялись за традицию, как пловец продолжает цепляться за мертвое дерево. Обедали за большими столами, застыв в сидячем положении на твердых деревянных стульях. Одежда состояла из нескольких частей, каждая из которых в свою очередь содержала редуцированные и бессмысленные пережитки той или иной прошедшей моды (утренний туалет горожанина требовал от него просунуть что-то около тридцати пуговиц в такое же количество петель, помимо завязывания трех узлов и проверки содержимого пятнадцати карманов).

В письмах они обращались к незнакомцам посредством нелепой формулы «многоуважаемый господин» и предваряли свою подпись идиотским заклинанием, состоявшим из заверений в вечной преданности человеку, чье существование было для пишущего предметом полного безразличия. Они были атавистически склонны наделять общество достоинствами и правами, в которых отказывали индивиду. Экономика владела их умами почти так же, как теология занимала их предков. Поверхностные, небрежные и недальновидные. В большей степени, чем другие поколения, они не замечали выдающихся людей, оставляя нам честь открытия их классики (так Ричард Синатра пребывал при жизни безвестным лесником, мечтавшим под сенью теллуридской сосны или приобщавшим к своей неистощимой поэзии пушистых белок в Сан-Изабель-форест, тогда как всякий знал другого Синатру, второстепенного писателя, тоже восточного происхождения).

Элементарный биофизический феномен приводил так называемых спиритуалистов к глупейшим трансцендентальным выводам, а так называемое здравомыслие пожимало широкими плечами в столь же глупом невежестве. Наши обозначения времени они приняли бы за «телефонные» номера. Они экспериментировали с электричеством так и

Время и забвение. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru эдак, не имея ни малейшего представления о его природе, и не удивительно, что случайное открытие его истинной сущности оказалось кошмарным сюрпризом (я был уже взрослым и хорошо помню старого профессора Эндрюса рыдающим на кампусе на глазах потрясенной толпы).

Но, несмотря на смехотворные обычаи и предрассудки, в которых погряз, мир моей юности был доблестным и прочным маленьким миром, сопротивлявшимся невзгодам с долей сухого юмора и спокойно направлявшимся на далекое поле битвы, чтобы противостоять варварской вульгарности Гитлера или Аль-Мила. И если дать себе волю, множество ярких, добрых и мечтательных устремлений, вдохновляющих память, обнаружится в прошлом, – и не поздоровится сегодняшним дням, поскольку нельзя знать заранее, как с ними сквитается еще бодрый старик, если возьмется за дело. История не моя епархия, так что лучше, пожалуй, я вернусь к сугубо личному, ибо в противном случае мне скажут, как сказал мистеру Сакачеванову самый очаровательный персонаж современной литературы (что подтвердит моя правнучка, читающая больше, чем я): «Каждый сверчок должен знать свой шесток, а не покушаться на законную территорию других попрыгунчиков и кузнечиков лета».

2

Родился я в Париже. Моя мать умерла, когда я был еще ребенком, и припомнить ее могу только в образе смутной волны восхитительного, навевающего слезы тепла где-то за пределом моей иконографической памяти. Мой отец преподавал музыку и сам был композитором (до сих пор берегу старую программку, где его имя стоит рядом с русским гением); он поддерживал меня до окончания колледжа и умер от непонятной болезни крови во время южноамериканской войны.

Мне шел седьмой год, когда он, я и лучшая из бабушек, которой может быть наделен ребенок, покинули Европу, где преступная нация причиняла неопишуемые страдания народу, к которому я принадлежу. В Португалии одна женщина подарила мне самый большой апельсин, который я когда-либо видел. С кормы парохода две маленькие пушки ненадежно прикрывали его петляющий бег. Стая дельфинов продельвывала умопомрачительные сальто. Бабушка читала мне историю русалки, заполучившей ноги. Любопытный ветерок присоединялся к чтению, бесцеремонно перелистывая страницы в попытке узнать, что будет дальше. Это практически все, что я помню о плавании.

Попадая в Нью-Йорк, путешественники в пространстве бывали поражены не меньше, чем были бы удивлены путешественники во времени, старомодными небоскребами; то был не вполне точный термин, так как их взаимодействие с небом, в особенности на тающем исходе оранжерейного дня, отнюдь не предполагало скребущего соприкосновения, было несказанно деликатным и торжественным; моему детскому взору, устремленному вверх зеленого простора парка, украшавшего тогда центральную часть города, они казались сиренево-нездешними и странно-текучими, смешивая свои первые пробные огни с красками заката и в мечтательной откровенности являя пульсирующее устройство своей полупрозрачной анатомии.

Негритянская детвора по-птичьи восседала на искусственных скалах. Деревья были снабжены табличками с латинскими названиями, наподобие того, как приземистые, желтые, жукообразные такси (типологически связанные в моем представлении со столь же ядовито-желтыми музыкальными автоматами, которых из оцепенения выводило глотание монетки, действовавшей на них как слабительное) были украшены фотоснимками, прилепленными к их бокам, ибо мы жили в эпоху Обозначений и Наименований, видели свойства людей и вещей сквозь призму их имен и кличек и не верили в существование чего-либо безымянного.

В недавней, широко известной пьесе, действие которой разворачивается в диковинной Америке «пилотируемых сороковых», изрядная доля обаяния подмешана в роль продавца газировки, но бакенбарды и накрахмаленная манишка совершенно анахроничны: не было в тех кафе такого беспрестанного и неистового вращения винтовых стульев, какое устраивают сегодня актеры на сцене. Мы поглощали наши жалкие коктейли с мороженым (хотя соломинки, право же, были куда короче театральных) с какой-то сосредоточенной жадностью. Помню поверхностное очарование и простодушную поэзию процедуры: обильная пена над подтаявшим сугробом застывших синтетических сливок, жидкая коричневая слякоть сиропа, вылитого на его заполярную плешь. Медная и стеклянная облицовка, стерильные отсветы электрических ламп, жужжание и гул посаженного в клетку вентилятора, военный плакат, изображающий дядю Сэма с рузвельтовскими усталыми голубыми глазами или проворную девушку в форме с гипертрофией нижней губы (ужимка,

Время и забвение. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru капризная ловушка для поцелуя, преходящая мода женской привлекательности (1939–1950) и незабываемая тональность транспортного шума, доносящегося с улицы, – узоры и мелодические фиоритуры, за метафорическое истолкование которых несет ответственность лишь время, причудливым образом устанавливающее связь между баром тех лет и мостовой, где жали на тормоза и мучили металл, а металл сопротивлялся.

Я пошел в школу в Нью-Йорке, затем мы перебрались в Бостон и снова переехали. Казалось, мы непрерывно куда-то переезжали, и некоторые из пристанищ были более унылыми, чем другие, но независимо от того, насколько захолустным был город, я без труда находил места, где чинили велосипеды, где продавали мороженое и где показывали кино.

Даже горные ущелья были исследованы Голливудом на предмет эха; оно, в свою очередь, подвергалось обработке с добавлением медовых и каучуковых обертонов речи, пока дистиллированная дикция не совпадала с движением губ на бледно-лунном экране в бархатной тьме кинозала. Ударом кулака герой отправлял собрата по разуму в кучу картонных коробок. Девушка с неправдоподобно гладкой кожей приподнимала тончайшую бровь. Дверь захлопывалась с таким несогласованным хлопком, какой долетает до нас с речного лесосплава.

3

И я достаточно стар, чтобы помнить курьерские поезда: ребенком я благоговел перед ними; став подростком, я предпочел им улучшенные образцы скорости. С тусклыми окнами и бледными огнями, они до сих пор пересекают мои сны. Их цвет мог бы сойти за сливовую спелость расстояния, набухшую череду преодоленных миль, когда бы этот цвет не был подвержен воздействию угольной пыли, чтобы соответствовать стенам цехов и трущоб, так же неминуемо предварявших город, как грамматика и кляксы предшествуют необходимому знанию. Пластмассовые стаканчики, сложенные в конце вагона, предназначались (передавая прозрачную прохладу пальцам) для ключевой воды из послушного фонтанчика, поднимавшего голову при прикосновении к нему.

Старики, похожие на седого паромщика из еще более древней сказки, выкрикивали названия натыкающихся друг на друга станций, проверяли билеты пассажиров, среди которых, если поездка была действительно длинной, непременно оказывалось изрядное количество спящих мертвым сном усталых солдат, – и лишь один из них, подвыпивший, непоседливый, казался живым – и только бледность связывала его со смертью. Он бодрствовал в одиночку, но без него не обходилось, – хрупкое создание из глины посреди того, что передовые учебники называли Гамильтоновским периодом – вслед за недобросовестным ученым, придумавшим этот период на радость глупцам.

Как бы то ни было, мой блестящий, но непрактичный отец никогда не мог приспособиться к академическим требованиям настолько, чтобы надолго задержаться в том или ином месте. Хорошо вижу их все, но один университетский городок запомнился особенно живо: нет нужды называть его, достаточно сказать, что на расстоянии трех газонов от нас находился коттедж, который нынче стал Меккой для всей нации. Помню запятанные солнцем садовые кресла, яркого, медной раскраски сеттера и толстого веснушчатого мальчика с книгой на коленях и яблоком в руке, подобранным в тени изгороди.

Сомневаюсь, что туристы, посещающие сегодня место рождения величайшего человека и рассматривающие мебель того времени, сиротливо столпившуюся за плюшевыми канатами общепризнанного бессмертия, могут похвастаться тем соприкосновением с прошлым, которому я обязан случайным эпизодом. И что бы ни случилось и сколько бы библиографических карточек ни заполнили библиотекари названиями моих научных статей, я останусь для потомства мальчиком, швырнувшим яблоко в Баррета.

Для тех, кто родился после потрясающих открытий семидесятых и не видел ничего летающего, кроме змея или воздушного шарика (все еще разрешенных, как я понимаю, в некоторых штатах, несмотря на недавние выступления в печати д-ра Сэттена по этому поводу), нелегко вообразить самолет, в особенности потому, что старым фотоснимкам этих роскошных машин в полете не хватает жизни, которую лишь искусство могло бы сохранить, но, как ни странно, не нашлось художника, что избрал бы их специальным предметом своей живописи и таким образом спас от забвения.

Время и забвение. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Вероятно, я старомоден в своих взглядах на некоторые стороны жизни, находящиеся за рамками моей научной специальности; и возможно, личность такого глубокого старика, как я, рискует показаться раздвоенной, наподобие маленьких европейских городов, наполовину французских, наполовину русских. Знаю это, но продолжаю украдкой. И не имею намерения предаваться тоске и сентиментальному сожалению в отношении летательных аппаратов, но в то же время не могу подавить в себе романтического призыва, присущего симфонической целостности прошлого в моих ощущениях.

В те далекие дни, когда не было уголка на Земле, удаленного более чем на шестьдесят часов полета от аэропорта, мальчишка мог знать самолеты от пропеллера до рулевых закрылок и определить вид стальной птицы не только по форме крыла или кабины пилота, но даже по облаку выхлопного пламени в темноте, состязаясь таким образом в узнавании особой со спятившими соглядатаями природы – постлиннеевскими систематиками. Разрез крыла и конструкция фюзеляжа приносили ощущение творческого восторга, и модели, которые он мастерил из сосны, папиросной бумаги и канцелярских скрепок, дарили такое нарастающее наслаждение процессом, что по сравнению с ним результат казался почти пресным, словно душа вещи улетела в тот миг, когда модель обрела окончательное воплощение.

Прогресс и наука, традиция и искусство – две замкнутые в себе пары, но когда они встречаются, все остальное в мире кажется незначительным. Так что я выйду на цыпочках, попрощавшись со своим детством в его самый характерный момент, в его самой пластичной позе: очарованное басовым жужжанием, которое вибрирует и набирает силу над головой, остолбеневшее, забывшее про убогий велосипед, на котором сидит, одна нога на педали, другая касается асфальта, глаза, подбородок и грудная клетка подняты навстречу обнаженным небесам, где военный самолет мчится с неземной скоростью, которую лишь окружающий простор делает неспешной, в то время как хвост заслоняет брюхо в поле зрения, а крылья и рев растворяются вдаль. Восхитительные чудовища, грандиозные летательные аппараты, их больше нет, они исчезли, как та стая лебедей, пронесшаяся с громким хлопаньем множества крыльев весенней ночью над Найтс-лейк в штате Мэн из безвестности в неизвестность: лебеди того вида, что так и не описан наукой, которых никогда не видели, никогда не увидят – и никого, кроме одинокой звезды, не осталось в небе, наподобие звездочки, отсылающей к всеобъясняющей сноске.

1944

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!